

Из новой книги

Александр Ерофеев

* * *

...с дурака
и взятки гладки
что об этом
говорить –
если можно
без оглядки
жить смеяться
петь любить

не особо напрягаясь
и не взглядываясь вдаль
ходит глупо улыбаясь –
выжига шельмец и враль

то ли сдуру то ли спяну –
всё до лампочки ему
всё ему по барабану –
хоть на паперть хоть в тюрьму

лишь бы только не кончался
над бедовой головой
день что славно так начался
да и ладно шут с тобой

с дурака и взятки гладки
тут и не о чем шуметь
остаётся без оглядки –
жить любить смеяться петь

Почти стихи

(утро у зеркала)

1.

с годами пересташь
на многих и многое обращать внимание
не сказать что умней становишься
но приходит ясное понимание
того как сказывается гедонизм
на отражении человека в зеркале –
ах какими мы были в молодости
и как потом себя исковеркали
а каких мы любили женщин
и какие слова в те дни говорили –
нет ничего на свете дороже
воспоминаний о том как нас любили
кроме мечты о несбывшемся –
попробовать вино из одуванчиков
чтобы не превратиться в дурных мужей
из наивных мальчиков
чтобы довольствоваться
тем что имеешь и обходиться малым
не становясь как зачастую водится
ни Гобсеком ни Сарданапалом

2.

время безжалостно и равнодушно –
ко всему без исключения
и с годами отражению в зеркале
пересташь придавать значение
пытаешься не обращать внимание
на необязательные мелочи
чтоб не сорваться не впасть в депрессию
и не дойти до «белочки»
и расцветашь слушая как внуки
читают «свет мой зеркальце»
и по тому как кружится голова
понимаешь что земля ещё вертится
с годами всё становится
несравненно проще и куда понятнее
например – что семья гораздо важнее
собутельников и приятелей
что благие намерения порою
ничуть не лучше поступков гадких
а и то если правду сказать –
много ли сохраняется в сухом остатке?

3.

ветер дует нещадно лишая силы
сопротивляться и – сушишь кожу
мимоходом посмотришь в зеркало
как ты жалок стал и ничтожен
мимоходом отметишь что кое-где
местами осыпается амальгама –
всё стареет изнашивается ветшает
всё становится хламом
кроме разве что отчаянного желания –
плыть против течения
врочем с годами и этому тоже
пересташь придавать значение
с удивлением признавая
что остаётся сделать совсем немного
опасаясь резких движений
не расходуя силы ни на что убогое
избегая бессмысленных
бесполезных дел и всяческой чепухи
остаётся о том что почти был счастлив
ещё написать почти стихи

* * *

седую бороду в раздумье теребя –
не так-то просто жить благообразно! –
допрежь всего Господь создал себя
и уж потом – задумался о разном

а человек – увя приходится признать –
в себе самом таит себя стыдливо
и всё-то ноет что любовь и благодать
его бежут и жизнь – несправедлива

Поэзия

Наталья Карпичева

Прекрасная, как нежность, обречённость

Либретто тишины

а что полынь-трава – цветущая культура
и родина горчит, мы в курсе (как сыны).
оставь свой блог и чат,
слезай с клавиатуры,
ты долго не писал либретто тишины...

как только всё замрёт
(расставлены фигуры),
плывут над головой прозрачные киты,
а раки не плывут, как будто чуют шкурой, –
уходит из-под глаз земля, а ты, а ты...

как город без реки и как река без рыбы,
как рыба без души и есть сама душа,
так (и не говори), так и не говорил бы...
когда уйдёт земля, останется ландшафт.

останется одна забава дорогая,
и, догорая, свет оставит нас одних.
останемся одни (кто нас оберегает,
тот нас не бережёт) – останемся одни.

останется одно – идти лечить учёных,
учить идти домой потерянных в ночи...
оставь прекрасную, как нежность,
обречённость.
оставь полынь-слова.
молчи – оставь – молчи.

Время о

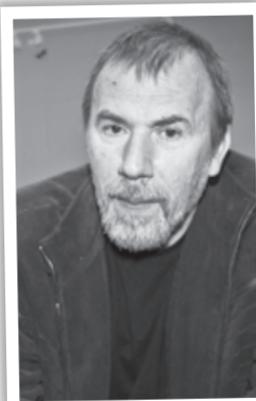
погоди, вот сейчас мир возьмёт и рухнет,
и мы начнём его собирать
в знаменитой подбитой хрущёвской кухне
в обусловленных пол-утра.

и пролётят сказочный потолок, и
оскудеет плита мечта.
если путать проволоку с поволокой,
то и время переплетать.

в полреальности именем многобуков
предостопримечательной
время о плюс-минус каких-нибудь
три-четыре на обложной.

Миниатюра

Владимир Некрасов

В поле
воображае-
мого про-
странства
появился
главный
персонаж.
Ему около
сорока. Он
смущён
тем обстоя-
тельством,
что некото-
рые люди
меняют
внешность
по своему

усмотрению. Подходит один из та-
ких типов к зеркалу и начинается:
там убавит, здесь прибавит... Как-то
нехорошо всё это.

Нашему герою постоянно встречаются
женщины. И немудрено, ведь он – мужчина.
Если бы было наоборот, то ему постоянно
встречались бы мужчины.

Однако ему постоянно встречаются жен-
щины. Но ни с одной из них он не может
оставаться достаточно долго. И не потому,
что он ищет ту мифическую дуру, которая
удовлетворит все его запросы и будет ждать
только одного его. Нет, просто он постоянно
покашливает, так: «Кхе-кхе... кхе-кхе...» А
такого уж никто не станет терпеть. Ведь вся-
кий знает, что при кашле люди произносят
какие-то естественные звуки, но уж никак
не «кхе-кхе».

А может быть, и не в этом дело. Ведь
иногда он расстается с женщиной, даже не
успевая при ней чихнуть. Напротив, это она
всё плачет и сморкается. Её нос краснеет,
плечи дрожат, зубы с утра не чищены, го-
лова болит, да ещё месячные начались. Сам

время спать, отдалённые слышать сны
и тем пуще их отдалять.
время о наследует у весны
безнадёжные стапеля.

Лесничее

(близкой зимой)

врочем, чем крепче в лес,
тем медовой мёда
эта хандра лесничая, избяная,
ангелы нас заметят, их глаз намётан.
и что они в нас нашли? да бог их знает...

море внутри, и реки впадают в кому,
тают стихи во рту,
и в листовый полдник
кажется восхитительно незнакомым
белый грезаль,
вошедший в одном исподнем,

медленный и тоскливый небесный рикша
тянет сквозь время, густую его пехоту
голос земли, грудной, корневой, охрипший,
долго себя взбирает по дымоходу.

близкой зимой тянет из подувава.
не внесена, но невыносима ясность,
как пролетит пропёт как оно бывало,
птица любви последней, её неясность.

К переменным

скрипки не расстроены стоккато
день ещё с утра был обречён
вот бери как патокой заката
к прочим переменным ток течёт

течь притом уже не залагаешь
к видам исчезающим иным
тёплая ручная золотая
рыбка ангел высшей тишины

приходи а там перезимуем
и тебе придумано парол
или даже смыслов нарицательную
от советского информбюро

перегрезим в безысходно новом
свете всех перерасскажем всем
у пространства выхода иного
нету кроме времени совсем

Проездной

а если всё это ваше возьмёт и рухнет?
за техбезопасность
кто в жёстком твоём далёке?
и главный затейник всяя потирает руки:
куда они денутся все из бытийной лодки?

бывало, сидим за обедом, и суп исчерпан,
погода, политика, сплетни и полвторого,
трамвай, сотрясая реальность,
следует в череп,
и там в него входят
полонская с гончаровой.

но я не о том, что поэт
был прекрасно болен
(хотя был циклон и мели головные вьюги).
всё это неловкость и ловкость рук,
не более, –
уснуть проездной за спиной
передать подруге.

Явление героя

мир нападает на неё. А она думает, что на
неё нападает мужчина. И она говорит на-
шему герою не краткую фразу в три ёмких
слова: «Ах ты, гад!», а другую, несоразмерно
длинную, где каждое слово имеет несколько
функциональных аналогов и из которой,
в частности, следует, что она рада, что он
пришёл, но, к сожалению, принять не может,
потому что уезжает в Африку на два дня.

– А почему не в Белорецк? – спрашивает он;
ведь всегда, когда она собиралась в Белорецк,
он спрашивал: «А почему не в Африку?»

И теперь, когда она едет в Африку, он
спрашивает: «А почему не в Белорецк?»
– Потому, – тихо говорит она и на цыпоч-
ках удаляется в соседнюю комнату.

Поле воображаемого пространства сузилось
до размеров странички из записной книжки.
Там были цифры: 65, 47, 28. И слово «любовь»,
обозначающее не чувство или профессию, а
имя человека средних размеров, напившего
французские вишнёвые колготки.

– При-и-вет, – нежно пропел женский
голос из телефонной трубки.

«Кругом одни женщины!» – с досадой
подумал главный герой, положил трубку
и удалился.

И действительно, как они появляются?
Я имею в виду, женщины. Вот маленькая
девочка стоит у прилавка галантерейного
магазина и смотрит на треугольный фла-
кончик одеколона «Кармен». Советский
Союз, семидесятые годы, белая этикетка, на
ней черноволося красавица с алой розой.
Девочка думает: «Когда я вырасту, я куплю
такую же гребёнку, так же заколю волосы и
буду на неё похожа».

И вот она выросла. Такая же красавица. А
пацаны всё те же. Так гномами и остались. Она
смотрит вверх их голов и видит другую Кар-
мен, чуть потолще. И ещё одну, и ещё. И меж
ними, как между елями, мыкается главный
герой и не видит за деревьями леса.

Потому что там нет леса. Там море... нра-
воучительных изображений: «Возвращение
блудного сына», «Не ждали», «Юдифь»,
«Девочка на шаре»...

Кстати, «Девочка на шаре» служит клю-
чом к решению проблемы Сизифа.

Если присмотреться, оказывается, шар
каменный, а Сизиф, вот он – сидит рядом
и отдыхает.

И не надо, я вас умоляю, больше ничего
придумывать.

«Девочка на шаре»
Пабло Пикассо.
1905 год